

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 8 февраля 2020

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 8 de febrero de 2020

No 3119

Протоиакон Герман Иванов-Тринадцатый

Да, прав был Владыка Серафим

Мы живём в сиоминутном мире. С молниеносной быстротой меняется окружающая нас обстановка. Одна новость сменяет другую и то, что ещё совсем недавно могло казаться невероятным, недопустимым, входит как бы в обиход и никого уже не удивляет, не возмущает.

Не принято сегодня смотреть назад, как-то даже не *комильфотно* ссылаться на уроки прошлого. Это теперь обычно клеймится отсталостью, регрессивностью. Сегодняшний лозунг — вперёд, вперёд. Чего там вспоминать старину!

Но надо ли нам с этим соглашаться, привыкать к этому? Без прошлого нет настоящего, как и без настоящего нет будущего.

Поэтому небезынтересно и небесполезно именно возвращаться к тому, что не так давно питало нашу жизнь и казалось неизбежным основанием нашего мышления и мировоззрения. Слово при наречении Архиепископа Серафима Брюссельского и Западно-Европейского в этом отношении особо поучительно.

Вспомним обстановку. Сколько воспоминаний всплывает в памяти!

Конец сентября 1993 года. Отец Игорь Дулгов, после 25 лет самоотверженного служения на Лазурном Берегу в нашем Каннском соборе, и восьми лет настоятельства и ревностного пастырского делания в Свято-Николаевском храме в Лионе, мечтал удалиться на покой. С этой целью он заблаговременно выстроил себе домик в лесу Свято-Леснинского монастыря в Нормандии, но... человек предполагает, а Бог располагает.

Как гром среди бела дня, великим постом 1993 года, мы узнали убийственную новость о том, что наш дорогой, любвеобильный Владыка Архиепископ Антоний Женевский (Бартошевич) поражен раком. Долго цеплялись за надежду, но в начале лета пришлось свыкнуться с мыслью о неизбежном исходе и скорой кончине того, кто в течение 37 лет столь мудро и отечески руководил нашей просторной и на редкость братской епархией. И казалось, что так всегда будет...

К тому же, к этому времени

уже чувствовались попытки расшатывания устоев Русской Зарубежной Церкви. Но пока во главе Церкви стояла эта двоица — Митрополит Виталий и его верный и авторитетный первый Заместитель Архиепископ Антоний Женевский, никакие Марки и Лавры особо не высовывались.

И легко сегодня проверить, что именно с начала 1994 года предатели стали открыто выступать. Позволю себе тут упомянуть личное воспоминание. В феврале 1993 года, то есть за каких-то полтора месяца до открытия владыкиной болезни, Архиепископ Антоний летал на особо важное экстренное заседание Архиерейского Синода РПЦЗ в расширенном составе — девяти Архиереев, почти Собор — в котором он принимал самое деятельное участие.

Темой заседания была недавно состоявшаяся позорная пресс-конференция в стенах редакции московского журнала «Огонёк», устроенная отцом Виктором Потаповым и на которой председательствовал епископ Иларион, который тут же (немного преждевременно!) был произведён во всех российских печатных и телевизионных органах в „митрополита Илариона“.

Отец Виктор Потапов, благодаря своим передачам по радиостанции «Голос Америки» и постоянным поездкам в Советский Союз, а затем и в Российскую Федерацию, слыл как бы главным Зарубежным специалистом по российским вопросам, к голосу которого в Синоде поневоле прислушивались, тогда как он был всего лишь широко вхож в диссидентские круги и был до некоторой степени их идеологическим пленником.

Диссидентское движение, особо в советское время, имело много положительных сторон, но его цели и идеология, особенно после падения советской власти, были далеко не тождественны с духом и исповеданием Русской Зарубежной Церкви. Я был приглашён на этот Синод прочитать отчёт о положении нашей Церкви в России на основании моих туда месячных поездок в течение трёх лет подряд, во время которых общался с „нашими“ там людьми.

Помнится, как Владыка Митрополит Виталий во время заседаний сурово обругал Владыку Илариона за то, что он, как уполномоченный представитель, согласился выступать в редакции далеко не нейтрального журнала, о чём никогда не было речи, и стал перед этой публикой приносить извинения от имени Церкви, в частности в том, что мы там принимали и открывали Зарубежные приходы, — на что, естественно, никогда не был уполномочен, но о чём много хлопотала патриархия. Владыка Иларион, молча, понутив глаза, красный, выслушивал упрёки и поучения. И тут Владыка Антоний

показал своё лицо. Он никогда не допускал несправедливости и, как правило, заступался за обиженных и слабых. Несмотря на то, что полностью соглашался с недопустимостью этой пресс-конференции и осуждал её печальные результаты, он возвысил голос и сказал Митрополиту: «Так Ты же сам его туда посылал. Ты же знаешь, какая он шляпа!»...

В итоге Архиерейского совещания был выписан строгий указ с выговором отцу Виктору Потапову за причинённый тяжёлый ущерб Церкви, и с запрещением ему вновь ездить в Россию и выступать от имени Церкви.

На обратном пути, в самолёте, в продолжительной и глубокой беседе Владыка Антоний пришёл к выводу, что дабы смыть накопившиеся недоразумения и восстановить истинное лицо Зарубежной Церкви на нашей Родине необходим личный, физический контакт, необходимо, чтобы авторитетное лицо туда поехало, не для того, чтобы заниматься там политикой или встречаться с представителями средств массовой информации, а пообщаться с людьми, послужить в наших храмах, словом — чтобы люди ознакомились с Русской Зарубежной Церковью, с её пастырским подходом, не понаслышке, а наяву. И Владыка пришёл к выводу: «Да, видно придётся мне поехать. Но если поеду, то только с тобой». Однако это было, как выше сказано, за полтора месяца до того, как обнаружился у него рак.

Вот в какой обстановке мы очутились в середине 1993 года. Ежегодно Владыка Антоний торжественно возглавлял богослужения в день святых Царственных Мучеников, в самом первом храме в мире им посвящённом, в Вильмуасоне, под Парижем, на территории имения отца Вениамина Жукова. Это был настоящий всеправославный праздник, на который стекались большинство духовенства епархии и масса почитателей памяти святого Царя-Мученика из разных, и не только Зарубежных, приходов.

Но вот, впервые, в день 75-летия злодеяния, мы очутились без нашего дорогого Владыки, беспомощно лежащего в больнице. Было решено не падать духом и с таким же торжеством отметить этот особо важный и символичный день. И тут единогласно было решено предложить отцу Игорю Дулгову возглавить это торжество и все поразились, как, несмотря на его почти болезненную скромность, отец Игорь „выдержал этот экзамен“ и всем тут же стало ясно — вот наш будущий Архиерей!

Пришлось ещё долго уговаривать отца Игоря, всё мечтавшего удалиться на покой, однако чувство долга, так как мы уже все видели и чувствовали надвигающуюся грозящую опасность, возобладало над личным желанием, при условии,

что будет ему в помощь посвящён викарный, более молодой, помощник в лице отца Петра Кантакузена, будущего Епископа Амвросия.

И тут подходим уже вплотную к *Слову* при наречении и к лебединой песне Архиепископа Антония: за две недели до своей кончины, и затем за шесть дней для хиротонии отца Петра, когда Владыка уже не вставал, он дважды был полностью облачён во всё архиерейское облачение и принесён на кресле из близстоящего дома в собор.

Можно себе представить, сколько страданий физических и нравственных это представляло, но с невероятным мужеством и чувством выполненного долга, „выстояв“ оба богослужения, возложив руку на ставленников и выслушав со знаками одобрения *Слово* нового епископа, своего заместителя, добрый Архипастырь мог оставлять свою осиротевшую паству и уходить в лучший мир.

Понятно почему *Слово* отца Игоря было выслушано с особым одобрением Владыкой Антонием.

В переполненном соборе, в присутствии почти всего духовенства обширной епархии и четырёх Архиереев, в частности Первоиерарха Митрополита Виталия и... Архиепископа Марка, наш новый Архиерей показал на словах и на деле, что несмотря на новые веяния, есть ещё люди, готовые встать на защиту достоинства Зарубежной Церкви и сознательно продолжать неизменно её славный исторический путь.

Слово Владыки Серафима, после традиционного упоминания своего личного пути, приведшего его к этому великому сану, было настоящей программной речью того, что следовало делать и того, что не следовало, в настоящей обстановке. И слова его были исполнены особым смыслом, имея ввиду, что мы стояли у порога воистину смутных времён и, добавим, тем, что были они открыто сказаны перед одним из главных зачинщиков готовящейся смуты.

Конечно, предательство велось с большой осторожностью, не грубо, а лукаво. В те годы никто не посмел бы говорить о МП, как о Матери Церкви, называть Кирилла Гундяева или Алексея II «святейшим отцом». Нет, всё делалось более хитро, чтобы незадачливая масса не могла ничего заподозрить. Главное было пробить брешь в стене, разделяющей РПЦЗ и МП.

И с этой целью, тот же Вл. Марк прибегал к самым безобидным приёмам, например устраивал совещания с патриархийным местным архиереем, чтобы установить одинаковые подходы в совершении таинств, в вопросе приёма инославных и т. д. Никто тогда не осмеливался говорить о желательности или необходимости сослужения с МП, что несомненно вызвало бы бурю негодования и протестов. Надо

было идти маленькими шажками.

Другой лукавый подход был следующий. После всех десятилетий ужасов, пережитых Россией и русским народом, утверждалось, что наш долг им помочь (как будто наша Церковь в течении десятилетий, и особенно в перестроечные годы, не проявляла широкую и щедрую деятельность), имея ввиду, что мы должны помочь Церкви восстановиться. Очень скоро появились витиеватые слова Вл. Марка о том, что войдя в общение с МП, РПЦЗ станет дрожжами, благодаря которым поднимется тесто Церкви в России!

Сегодня каждый может убедиться в „прозорливости“ Вл. Марка... Вот, где была сама сердцевина деструктивной деятельности предателей и их особое лукавство: творить зло, но под самым будто похвальным видом, так чтобы никто не мог протестовать. И на это лукавство, очень спокойно и убедительно в своём *Слове* отвечает Вл. Серафим. Приведём ниже его же слова:

«За всю историю России, Церковь наша всегда была основой жизни, упованием и учителем народа. Кормилом, пестуном, мерилем совести. Будь это в междоусобных делах князей в эпоху до-московскую, в период татарского ига, особенно в Смутное Время, в период воцарения большевиков, во времена гонений, мученичества. То же самое было и с Зарубежной частью этой Церкви, — нашей.

Всем известно, какую роль она играла в Эмиграции, как в больших центрах, так и в глубине провинции или где-то в трупцах. Особенно проявила себя наша Церковь в период последней войны. Потеряв всё при наступлении Красной Армии /.../ и в условиях лагерей оставалась, как и прежде, упованием, учителем и центром жизни и деятельности русских людей. Ибо Церковь наша была Истинной Церковью Христовой. Выполняет ли официальная Церковь в России ту же роль, как должна была бы выполнить она, будь она истинной? Конечно нет. Можно твёрдо установить, что Московская Патриархия не способна на это. Вести свою паству она не может. Она лишь жалко плетётся вслед за ней и вынуждена проявлять какое её требование, либо проявлять желаемую деятельность, либо делать непривычные для неё уступки народному чаянию /.../ «Так помогите же Патриархии», — могут нам ещё сказать.

И на это имеется готовый ответ, основанный на опыте: наша лучшая помощь официальной Церкви заключается уже в том, что мы существуем! Ибо она всё время вынуждена считаться с нами, оглядываясь на нас и то ли копировать нас или сдерживать себя, сокращать степень своих беззаконий из опасения реакции с нашей стороны. Примеров этому мы видим множество. Мы как бы спасительный тормоз в её слепом и безрассудном скольжении вниз...

Но это, пока мы существуем. Исчезни мы, вольсь мы в бесформенную массу официальной Церкви, мы потеряем всю нашу соль, всю нашу силу и возможность быть таким тормозом. И руки у официальной Церкви полностью развяжутся. И не только в области экуменизма, но и во многих других беззакониях. Кто может знать, по какой покатоной она покатится и тогда уже без тормозов... Куда она заведет и себя и Православие в России?». На этом Владыка Серафим за-

кончил свою, как бы программную часть *Слова*. Сколько тут правды сказано! Сколько прозорливых мыслей выложено! Наша лучшая помощь верующему народу и Церкви в России — оставаться тем, чем мы являемся, так как мы являемся спасительным тормозом. Исчезни мы, если мы вольёмся в бесформенную массу официальной Церкви, мы потеряем всю нашу соль, всю нашу силу и возможность быть таким тормозом. Тут каждое слово может быть проверено и на деле оправдалось.

Исчезни мы — говорил Владыка в своём *Слове*. И исчезли. Во всяком случае исчезла та, хоть маленькая, но могучая историческая Зарубежная Церковь, с которой считался весь Православный мир. Влилась в бесформенную массу МП и на самом деле потеряла свою соль и никакими дрожжами не послужила для возрождения или очищения руководящего аппарата официальной Церкви. О так называемой „Зарубежной Церкви“, на самом деле „Зарубежной патриархии“, как её теперь следует по праву называть, никто сейчас не заботится и никакого внимания на неё не обращает. Не смешно ли сегодня даже говорить о ней, как о „спасительном тормозе“?!

Вспомним, как до капитуляции уверяли нас, что вот-вот сейчас МП выйдет из Мирового Совета Церквей, окончательно покончит с экуменизмом, готова пересмотреть вопрос сергианства. Ничего из всего этого не состоялось. Кокетничество с римским Папой по-прежнему продолжается, митрополиту Сергию Страгородскому воздвигают памятники (!) Сталин вновь обрёл славу великого полководца и отца народа, вплоть до того, что пишутся его иконы. Труп Ленина по-прежнему оскверняет Красную Площадь. И постепенно, но неуклонно, повсюду, во всех бывших оплотах Зарубежного духа появляются новые лица, которые со временем заменяют не только бывшую паству, но и священнослужителей. Через десяток лет, что останется Зарубежного в этой так называемой „Зарубежной Церкви“?

Вот истинный итог, результат разрушительной деятельности учеников-чародеев. Вот то, против чего столь мудро предостерегал приснопамятный Архиепископ Серафим в день своей хиротонии. И увы, не был услышан.

Закончим этот исторический экскурс ещё одним многозначимым упоминанием. В последние годы своей жизни, Владыка к сожалению пришёл к выводу, что продолжать бороться за сохранение Зарубежной Церкви становилось бессмысленным, равнялось сражаться с ветряными мельницами и отошёл от всех дел, окончательно удалился на покой, оставив распоряжение о том, что, когда настанет время, на его отпевании не было бы ни одного архиерея, с которыми он полностью порвал все духовные связи. Однако, как только стало известно о его кончине, приехал Вл. Марк и возглавил отпевание. И не ограничился этим: собрал всё прибывшее духовенство и рассказал об успешном продвижении работ согласительных зарубежных и патриархийных комиссий и о последних достигнутых в Москве результатах...

Это, как бы лишний штрих к облику нового германского патриархийного митрополита.

Волею Божией 15-го августа 2019 года, на 82-ом году жизни, в Оливосе, провинция Буэнос Айрес, скончался

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШКОДИН

о чём сообщает редакция "Нашей Страны". Царство Небесное верному сыну Исторической России.

Зачем Путин предложил изменить конституцию РФ?

Президент РФ Путин предложил провести голосование о поправках в конституцию страны. Какие же поправки он предлагает сделать и, главное, зачем?

Сразу скажу, что с формальной точки зрения, если читать только сами формулировки поправок и не пытаться понять их внутренний смысл, выглядят они вполне прилично. Но слишком хорошо мы знаем Путина для того, чтобы верить в его любовь к России.

Поправка первая призвана закрепить приоритет конституции РФ над международными договорами. Конечно, любое суверенное государство должно признавать главенство вначале своих законов, а уже потом — законов международных, если они регулируют вопросы, не охваченные внутренним законодательством. Возникает, тем не менее, законный вопрос: отчего власти РФ под руководством всё того же Путина так долго отстаивали норму о верховенстве международного законодательства над российским и «вдруг» решили всё изменить?

А потому что за два десятка лет своего правления команда Путина разрушила Россию настолько, что страна потеряла свой реальный суверенитет: РФ не может теперь построить без зарубежных деталей и технологий ни современное вооружение, ни технику, ни электронику. Так что приоритет международного на российском теперь закреплён на практике. Конституция с её формулировками уже не важна, она вторична.

Зато внутри страны позиции Путина ослабляются. Без репрессий он не может сдерживать ни политический протест, ни социальное недовольство. В этом случае новая норма, предлагаемая Путиным, позволит ему ввести законы о тоталитарном правлении, запрете всех свобод, подавлении русского народа и другие им подобные. И никто не сможет оспаривать их основываясь на международных нормах: ведь внутренние законы в РФ теперь выше межнациональных.

Такова оригинальная псевдо-патриотическая ловушка.

Далее Путин предлагает запретить чиновникам и судьям иметь другое

гражданство или вид на жительство в другой стране. Это тоже по форме правильно. Другой вопрос, что многие высшие чиновники РФ давно имеют два гражданства. А их дети — и подавно. Скорее всего будет задействован такой механизм: если чиновник лоялен Путину, то никто о его двойном гражданстве и не вспомнит, его просто не заметят. Но если чиновник станет опальным, неблагонадёжным — его будет легко снять должности, опираясь на конституцию — он ведь, полумать только, почти иностранец.

Очень любопытно требование, что кандидат на пост президента РФ должен постоянно проживать в России не менее 25 лет и никогда не иметь другого гражданства. Ещё совсем недавно в ельцинской РФ был установлен 10-летний срок постоянного проживания в стране на момент выдвижения для тех, кто хочет стать президентом.

Это сделали для того, чтобы не могли выдвигаться Солженицын и другие русские эмигранты, которые уехали из России не по своей воле.

Как видно, Путин тоже боится тех людей, которые после его краха вернутся в Россию из вынужденной эмиграции. И заранее пытается отсечь их от выборов. Получается, что кто уехал и вернулся — не может стать президентом потому, что отсутствовал в стране, а тот кто не уехал не сможет выдвигаться потому, что сидел — осуждённым тоже нельзя выдвигаться. У ФСБилов так всё продумано.

Пробыв сам у власти уже почти четыре президентских срока, Путин предлагает вновь ограничить срок президентства в РФ в будущем двумя сроками. И забрать у президента право назначать премьер-министра, отдав это право Государственной Думе. В современной системе власти РФ Государственная Дума орган почётный, но вполне декоративный. Она только утверждает то, что решено в администрации президента.

Весьма вероятно, что путинисты готовят преобразование РФ из президентской республики в парламентскую и Путин должен быть в этой системе главным парламентарием РФ. Вот и вся схема.

Роман Корнев

ЕЩЁ О «БРАТУШКАХ»

В связи со статьей графа А. Коновницына «Братушки» («НС» № 3114) скажу, что за исключением периода правления короля Александра Карагеоргиевича, Сербия была всегда ориентирована на Запад. Об этом ещё писал в своё время Достоевский и тогда ещё он подметил холодность в наших с ними отношениях.

А Тито был продолжателем традиционной югославской политики. Никакой под собой базы разрыв его с Москвой не имел, если не иметь ввиду отталкивание Югославии от России вообще. Югославия же привыкла жить надаровщину и благодарностями. В титовское время, как регулярная армия, она из себя не представляла никакой силы вне балканских условий. Это — те же «самострелы» времён Черняевского балканского похода, о котором писал Достоевский.

Б. Гасан

СЛОВО ПРОИЗНЕСЁННОЕ ИЕРОМОНАХОМ СЕРАФИМОМ (ДУЛГОВЫМ) ПРИ НАРЕЧЕНИИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА ЛЕСЧЕНСКОГО 6/19 СЕНТЯБРЯ 1993

Ваше Высокопреосвященство, Владыко наш Первосвятитель! Ваше Преосвященство, Владыко Архиепископ Антоний! Ваше Преосвященство, Владыко Архиепископ Марк! Ваше Преосвященство, Владыко Епископ Варнава! Благословите!

Есть такое библейское повествование: сын Иоаса, из племени Манасина, по имени Гедеон, выколачивал пшеницу. Он хотел уйти подальше, укрыться в ущельях, в пещерах. Время неустойчивое, всюду враги, опасности. И вот, на дороге готовил себе пшеницу. Но является ему Ангел и призывает Гедеона на служение. Он стал потом одним из Судей Израилевых. И прекратил он молотить и пошел на служение.

Вот в таком несколько положении чувствую и я себя. Как Гедеон, думал я о спокойствии. Как к Гедеону пришёл и мне, неожиданно, призыв для нового служения. И если вы, - Святители Божии, вы - Ангелы Церкви, как это подразумевается в Апокалипсисе, то я-то - не Гедеон!

Или ещё: Пророк Илия нашёл Елисея, который обрабатывал землю двенадцатью парами волов. Илия приблизился и накинул на Елисея свой плащ. Это было знаком посвящения его в пророки. Так и вы, Святители Божии, подобно Илие, накинули ваш плащ, то есть возложили ваши руки на меня. Вы может быть подобны Илие. Но я-то не Елисей! Наоборот.

Когда-то, всё в том же Ветхом Завете, сказали про Саула с иронией: «Неужели и Саул во пророках!» Так и про меня кто подумает: «Как, неужели и он во епископах!» Но я-то даже и не Саул! И тем не менее, я вот предстою перед вами в страшный для меня час.

В этом храме, более 30 лет тому назад, я в трепете и со священным ужасом впервые был введён через Царские Врата для дьяконского посвящения. Но что сказать про то, что меня ожидает ныне?

Я вижу мысленно всю свою жизнь. Когда начинаешь задумываться о прошлом поднимаются новые воспоминания и желание подвести итоги. Я считаю, что Господь был исключительно, и не раз, ко мне щедр. Было больше радостей, чем горя.

Во-первых я мог бы оказаться последствием комсомольства, или каким советским активистом. Мне было меньше пяти лет, и во второй столице России я как-то заполучил значок пожарных. Ну, как все мальчишки, стал его гордо носить. А на значке-то, конечно, была или красная звезда или серп и молот! Так я с этими символами мог бы и остаться на всю жизнь.

Но благодаря родителям, оказался я за рубежом. Как всем в эмиграции тогда, было очень трудно. Вскоре я оказался сиротой и матери стало ещё труднее. Я с радостью вспоминаю годы, которые мне пришлось провести в Русской Школе, в русской национальной обстановке, в Кадетском Корпусе. Там я впервые, сознательно, приблизился к Церкви.

Сперва начал прислуживать, потом стал чтецом на клиросе.

Я с благодарностью вспоминаю педагогов, директоров, которые сменялись, воспитателей, особенно корпусного священника, иеромонаха, потом архимандрита, Зосиму, учителей, да и товарищей. Вообще всех - «кто хранил юность нашу». Кстати, когда я уже был подростком, отец

Зосима мне подарил серебряный священнический наперсный крест, который я хранил всю жизнь, и вот надел, когда стал иереем.

Дальнейшие этапы - школа, после аттестата зрелости техническая учёба, война. После неё - более четырех лет богословия в Париже.

Хотя мы были, так сказать, не на том же «корабле» но справедливость заставляет меня вспомнить ныне и тут моих наставников, профессоров, которые тоже были «хранителями юности нашей». Это была эпоха, когда во главе было «Три Кита», то есть три именитых учёных-богослова, имена коих у всех начинались с буквы «К».

Все относились ко мне всегда с любовью и расположением, а я отвечал полнейшей корректностью, лояльностью, уважением, почтением и благодарностью. Хочу вспомнить и однокурсников, учившихся со мной. Потом гражданская служба. И ещё потом - уже священство.

Подойдём теперь к действительности нашего времени. Мне недавно удалось просмотреть видео-запись, которая была показана по всей территории бывшего СССР, под названием «Россия, которую мы потеряли». Название говорит за себя. Фильм был создан при близком участии А. И. Солженицына, итак нужно считать, что каждое слово было продумано. И вот, в конце этого фильма имеется такая фраза: «Ленину удалось на долго очистить Россию от умных, образованных и мыслящих людей. Он не только совершил государственный переворот, он совершил переворот и в душе народа. В России был заложен новый антропологический тип, новое выражение лиц появилось у советских людей. Так началось вырождение нации...»

Почему я упоминаю об этом? Большим событием в моей жизни (конечно, и не только в моей), была встреча, во время последней войны, с русским народом, который тогда не успел ещё подвергнуться всему тому, о чём говорится в этом фильме. Эта встреча была 50 лет тому назад. Я полностью тогда видел любого русского как своего: он как я, я как он. И это тоже мне не забыть. Может быть это была эпоха счастливейшая в моей жизни, ибо тогда была эпоха каких-то надежд и упований...

За более чем 30 лет священства вспоминаю своих собратьев священнослужителей; многие скончались - Царство им Небесное! И прихожан, к которым, порою, относился недостаточно внимательно. Главное, конечно, вспоминаю Святителей. В первую очередь - Владыку Архиепископа Антония, под чьим омофором прошли все мои годы священства. Всегда - уверенно, спокойно, мудро, солидно и уютно было и остаётся так до сего дня под его омофором.

Но ещё до моего рукоположения, вспоминаю Архиприестов, которым я иподиаконовствовал: Митрополит Серафим в Париже, Епископ Нафанаил, Епископ Леонтий потом и Архиепископ Иоанн. Других Архиприестов видел лишь мимоходом, или же знаком, или близок был по переписке.

Вот вы сейчас меня допрашивали о моей вере, хотели удостовериться полностью ли она православна, как верую я во Святую Троицу. Это настолько важно, что ко мне обращались с требованием, чтобы

я выявил свою веру и ещё и ещё и «более пространно». Без сомнения моя вера, как и всех стоящих вокруг Престола, и одинакова и полностью православна.

Но вот, что может нужно в наше лукавое время и ясно и открыто выявить, особенно будущему Епископу: каково отношение наше к священноначалию в России, к официальной там Церкви и по ряду иных вопросов. Чтобы ответ был ясным, позвольте прибегнуть вот к такому, сперва, сравнению. Как только Христова Церковь начала существовать, Апостолы, а потом и мужи апостольские, да и иные духовные писатели, например апологеты - всем им приходилось много трудиться, много писать, чтобы объяснять иудеям, что ожидаемый ими Мессия, Спаситель, и есть Христос. Что эпоха Завета Ветхого закончилась и что теперь начинается Новый!

Евангелист Матфей писал для сего своё Послание ко евреям. И апологеты писали. Иустин Философ написал «Разговор с Трифоном Иудеем». Тертуллиан тоже. И так далее. Итак, с сейкой древности, сохранилось на эту тему множество фолиантов, трудов, томов. Всё это очень важно, а например матфеино Евангелие или Послание Апостола Павла - необходимы и для иного. Но будет ли кто из нас, если придётся заговорить с иудеем о вере, о Ветхом и Новом Заветах, выискивать эти тома, всё это богатство письменное? Нет. Ибо теперь, 20 веков спустя, у нас есть очень простой аргумент, легко понимаемый и доступный каждому иудею. За всю историю его народа, в Ветхом Завете, Господь постоянно посылал пророков, будь они великие или малые, но перерыва в этом не было. История еврейского народа тогда, до пришествия Христа, - это история этих мужей Божиих. Как бы непрерывная цепь. Но так продолжалось до пришествия Христа и с этого момента пророческое служение окончилось.

Ветхий Завет окончился, наступил Новый. И вот уже двадцать веков, что у еврейского народа нет больше ни великих, ни даже малых пророков. Ибо чаемое стало явным.

Вот такой же метод, простой, ясный и доступный можем мы предложить любому стороннику Патриархии. За всю историю России, Церковь наша всегда была основой жизни, упованием и учителем народа. Кормилком, пестуном, мерилком совести. Будь это в междоусобных делах князей в эпоху домосковскую, в период татарского ига, особенно в Смутное Время, в период воцарения большевиков, во времена гонений, мученичества.

То же самое было и с Зарубежной частью этой Церкви, - нашей. Всем известно какую роль она играла в эмиграции, как в больших центрах, так и в глубине провинции или где-то в трущобах. Особенно проявила себя наша Церковь в период последней войны. Потеряв всё при наступлении Красной Армии, территории Восточной и Центральной Европы, потеряв положение, солидное существование, твёрдые возможности, - несмотря на всё это, будучи Сама беженкой, наша Зарубежная Церковь и в условиях лагерей оставалась, как и прежде, упованием, учителем и центром жизни и деятельности русских людей. Ибо Церковь наша была

Истинной Церковью Христовой.

Выполняет ли официальная Церковь в России ту же роль, как должна была бы выполнить она, будь она истинной? Конечно нет. Можно твёрдо установить, что Московская Патриархия не способна на это. Вести свою паству она не может. Она лишь жалко плетётся вслед за ней и вынуждена проявлять какое её требование, либо проявлять желаемую деятельность, либо делать непривычные для неё уступки народному чаянию. Лавирует, подгоняет себя под необходимость момента. И никак не может стать тем, чем была Русская Церковь, например в период Смутного Времени: центром совести при общей разрухе. А ведь сейчас хуже Смутного Времени прошлого.

Итак, по плодам определяем, что истинно, что ложно... А если кто нам укажет на тот или иной расцвет в России, там открыли храм или отремонтировали монастырь, или начались уроки Закона Божья, - так это не заслуга Церкви (Патриархии), но отдельных энтузиастов или жертвенных, идейных, ревностных пастырей и церковных деятелей, которые, конечно, заслуживают и восхищение и радость нашу.

«Так помогите же Патриархии», - могут нам ещё сказать. И на это имеется готовый ответ, основанный на опыте: наша лучшая помощь официальной Церкви заключается уже в том, что мы существуем! Ибо она всё время вынуждена считаться с нами, оглядываться на нас и то ли копировать нас или сдерживать себя, сокращать степень своих беззаконий из опасения реакции с нашей стороны. Примеров этому мы видим множество. Мы как бы спасительный тормоз в её слепом и безрассудном скольжении вниз... Но это, пока мы существуем. Исчезни мы, вольсь мы в бесформенную массу официальной Церкви, мы потеряем всю нашу соль, всю нашу силу и возможность быть таким тормозом. И руки у официальной Церкви полностью развяжутся. И не только в области экуменизма, но и во многих других беззакониях. Кто может знать по какой покатою она покатится и тогда уже без тормозов... Куда она заведет и себя и Православие в России? Так что и в этой области всё мне представляется и ясным и твёрдым.

За всё время моего пастырства я всегда себя чувствовал русским и радовался этому. Но я знаю, что Господь приводит каждого из нас к пастырской деятельности на той иной ниве, среди того или иного народа. Поэтому, поскольку я нахожусь среди тех кто понимает лучше, например, по-французски (не говорю о тех, кто понимают только на этом языке) - я с охотой служил и служу и проповедую и учу на этом языке, и это для меня вовсе не в тягость. Делаю я это с радостью.

В таком виде, вероятно, будет проходить и моя епископская деятельность. Вот, предстою ныне перед вами, святители Божии, со страхом и трепетом, сознавая свою духовную и физическую немощь и недостойность. Знаю я также, что «божественная Благодать всегда немощная врачующая, и оскудевающая восполняющая», как говорится в молитве при рукоположении, тем не менее не является чем-то автоматическим. Эту Благодать нужно заслужить, возгреть и восполнить в себе. Приумножить. Помогите мне.

ШТРИХИ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

II

В "Нашей Стране" № 3118 я вкратце писала как мы жили во время войны, об эвакуации из Белграда в 1944-м году, как мы попали в Вену, и как оттуда в декабре уехали. А отбыли мы оттуда по назначению в РОА - Русскую Освободительную Армию моей Мама и моей старшей сестры Люси. Мама окончила в 1940 году в Белграде курсы сестры милосердия. У меня сохранилась фотография где Мама в форме вместе с другими сербками (там было еще две русских дамы) в группе окончивших курсы - с доктором, священником и начальницей сербской организации «Коло српских сестра».

Мама собралась устроиться работать в "Државну Болницу" в Белграде, то есть в государственную больницу, но в апреле 1941-го грянула война.

Итак из Вены Мама была откомандирована сестрой милосердия в Чешский город Хиш, а Люся - машинисткой при штабе РОА в Мариенбад, по чешски «Марианске Лазни». По дороге мы заехали в Карлсбад, Карлови Вари, где в то время находилась Чудотворная икона Курской Божьей Матери и Синод во главе с Блаженнейшим Митрополитом Анастасием.

Там нам пришлось идти вечером по городу в полном мраке, все окна были завешены и ни один фонарь не давал света. Для того, чтобы не наталкиваться на улице на прохожих, у всех были на одежде прикреплены фосфорные светящиеся значки.

Мы были утром на литургии в прекрасном храме, построенном ещё Царским правительством для русских приезжавших в Карлсбад на лечение водами.

Но надо было отправляться дальше. На поезде мы втроем доехали в Мариенбад и там Мама оставила Люсю с Инной Петровной Деловой (Скуридиной, по мужу), учительницей французского языка в белградской Русско-Сербской Женской Гимназии. А мы с Мамой поехали в Хиш.

Первым делом по приезде в Хиш, Мама начала справляться где здесь больница или хотя бы амбулатория. Ничего там не было. Мама не знала, что делать, к кому обращаться и мы просто жили там в общежитии, закрытом ресторане, где уже проживала группа артистов РОА, которые выступали развлекающая солдат.

Мы там познакомилась с одной дамой, эмигранткой из Франции, она не жила в общежитии с нами, а в замке, собственности немецкого графа, который уступил в пользование половину своего замка для членов РОА и их семейств. Эта дама танцевала одна на сцене. При перемене красок света направленных на неё, она очень изящно и умело руками поворачивала свою длинную и широкую юбку, так что получалось впечатление что это лепестки цветка, а её головка находится внутри этого цветка. Она тоже умела петь французские шлягеры. Например, "Je suis seule ce soir avec mes rêves..." При помощи этой дамы Маме удалось

получить в замке комнату и мы уже не жили в общежитии.

Была зима 44-го года. Мама узнала, что недалеко от Хиша чешское село, и она решила пойти туда, чтобы обменять какую-то одежду на продукты. В Хише с провиантом были затруднения. У нас ещё были венские продовольственные карточки, и в одном ресторане, который ещё был открыт, хозяйка немка, давала мне иногда целую кружку цельного молока, если у неё оставалось.

В село надо было идти по снегу, через лес, и там возможно были волки. Здесь не было войны, мы только видели как пролетали бомбовозы на Пильзен и слышали по звуку их моторов, когда они возвращались, что они порожденные.

Мы подошли к ближайшему дому. Открыла дверь молодая женщина. Она оказалась русской, замужем за чехом, которого не было дома. Раза два мы приходили к ней и она нам за одежду давала кое-что съестного. На третий раз она просила нас больше не приходить, потому что её свекровь следит за ней и ей может быть неприятно.

Несколько раз мы ездили на поезде в Мариенбад, чтобы повидаться с моей сестрой Люсей. И вот наступила весна. Апрель 1945 года. Однажды Мама разговорилась с нашими знакомыми соратниками из РОА, и удивилась. Ей во время разговора, невзначай, был дан совет ехать к дочери в Мариенбад, потому, что там будут американцы, а сюда придут красные! Эти люди всегда очень хорошо относились к Маме и она сразу подружилась с жёнами этих военных.

За несколько дней до нашего отъезда я случайно оказалась в вестибюле замка перед стеклянной загородкой, которая отделяла покой семьи графа, и увидела эту семью. Стоял молодой человек в военной немецкой форме офицера и рядом с ним молодая женщина, и девочка. Девочка смотрела на меня, и что-то сказала. Её родители посмотрели на меня внимательно, что то сказала девочке, взяли её за ручку и ушли. Больше я их не видела.

Попрошавшись с нашими друзьями, мы поехали в Мариенбад. Наш поезд остановился где-то недалеко от *аутобана*, и выйдя на дорогу мы стали ждать, не подвезёт ли нас кто-нибудь. Рядом с нами стояла молодая немка с маленьким мальчиком. Я не

помню как долго мы так простояли, но Мама начала беспокоиться, уж слишком долго мы ждали и никто до сих пор даже и мимо не проехал. Наконец перед нами остановился автомобиль. На нём была пометка, красный крест. Там было только два человека, немецкий офицер и шофёр. Они нас высадили в самом центре города, на главной улице Мариенбада. Там был сквер, росла трава и шавель, который я собирала и Мама приготавливала суп.

В Страстной Четверг мы несли из церкви зажжённые свечи. Нас никто не остановил. Город казался покинутым, улицы были совершенно пустые. Пасха прошла тихо и невесело. Негде было достать ни творога, чтобы приготовить сырную пасху, ни муки, ни яиц, ни масла, чтобы испечь хотя бы маленький кулич. Это оставалось только в мечтах. Кое-где продавали картошку.

Это было в начале мая 1945-го года. Мы сидели в квартире каждый день с задвинутыми шторами, город совершенно опустел. Никто не выходил на улицу, все ждали чего-то.

Вдруг мы услышали незнакомые звуки моторов, которые приближались всё ближе и остановились возле дома где мы жили. И тишина. Мы стояли и ждали, что будет? Но всё было тихо. Мама едва-едва приоткрыла штору, чтобы посмотреть. В эту щёлочку трудно было рассмотреть, но Мама с ужасом отскочила от окна. Она сказала, что стоит машина, прямо перед домом, и на машине красная звезда! Решили послать меня выйти во двор, посмотреть поближе. Через щёлку в заборе я увидела за воланом сидящего черного! А на машине стоял красный крест! Все облегчённо вздохнули, когда я это рассказала. Это были американцы.

В следующие несколько дней мы решили выйти на улицу. По обеим сторонам улицы на тротуаре сидели американские солдаты, спиной облокотившись на стенку домов. Они что то жевали и смотрели на прохожих, иногда выкрикивая: "Freulein", вызывая страх у мимо них проходившей Люси. А меня это смешило. Люся была в ужасе, что меня это смешит. Но они ведь мирно продолжали при этом сидеть! Мне было 12 лет и мне было смешно.

Пошли в церковь. Там одна из дам, говорившая свободно по английски, рассказала, что она уже

пошла к американским военным властям и сообщила о русских эмигрантах проживающих здесь. Ей было обещано, что американцы предоставят военные грузовики для вывоза всех желающих. К нам пришёл американец, сержант, по имени Билл, отец семейства, - трое детей и жена в Америке. И стал каждый день заходить к нам; приносил "кракэрс" - галеты, и фисташковое пюре, подкармливая нас. Он и сообщил нам в какой день и час, и где, надо быть для погрузки на грузовики.

В назначенное время мы пришли туда со своими пожитками. У меня был маленький узелок, который я очень берегла, потому что там были вывезенные мною из Белграда фотографии; те фотографии, которые Мама отбрасывала накануне отъезда из сербской столицы, а я сохранила до сих пор. У Мама был украден её чемодан ещё в Белграде на вокзале в день эвакуации, и там всё пропало. Мама сумела сберечь единственную драгоценность, которую она вывезла из России, - длинные бусы черного агата. И фотографии. И всё это исчезло.

И вот теперь мы стоим вместе с толпой других русских людей. Все молчат. К Люсе подходит молодой человек, который за ней ухаживал, и предлагает ей пройтись по улице, чтобы не стоять тут. Мама протестует, а что если как раз приедут грузовики? Лучше подождать. Но они улыбаются и уходят. Только они скрылись из вида, как грузовики подъехали! Все начали быстро наполнять своими вещами грузовики и усаживаться, а Люси и её ухажёра нет. Мы стоим, я смотрю с надеждой увидеть их, но их нет. Наконец они появились!

Ухажёр нашёл своих родителей и сел к ним, а Мама начала бегать и подходить к грузовикам, но нигде не было места! Обгав второй раз, Мама отчаявшись опустила руки, и говорит: "Что же нам делать? Неужели оставаться здесь?" И вдруг слышим женский голос: "Сюда, сюда, идите сюда!"

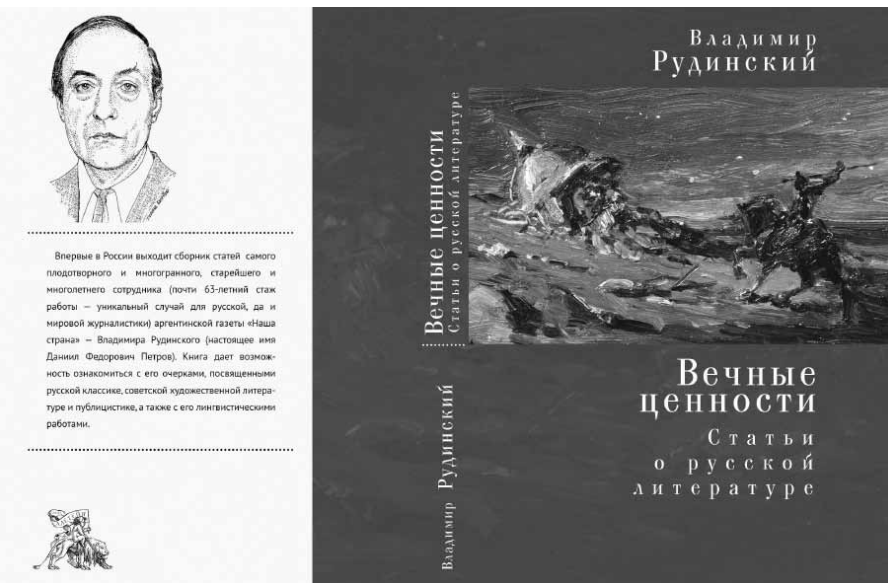
Мы побежали на голос и слышим: "Мамочка, подвинься, вот так, подвинься немножко". И ворчание: "И так нет места!" Но "Мамочка" подвинулась и мою Маму посадили рядом, а я села в середину грузовика на пол, на вещи. Люся стояла на одной ноге, и когда грузовик двинулся, то она, как на зло села прямо на колени "Мамочке", а это оказалась генеральша Барбович. Люсю пересадили вперед к шофёру, где уже сидела Ирина В. и мы сравнительно благополучно были привезены в югословенский лагерь для перемещённых лиц, так как мы были из Югославии.

Свой голос тогда возвысила милая, дорогая, незабвенная Людмила Ивановна Барбович-Баранова, дочь доблестного белого генерал-лейтенанта Ивана Гавриловича Барбовича. И она не один раз, и не только нам, но и другим помогала.

Графиня Елена Коновницына

**ВНЕСЛИ ЛИ ВЫ
ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ
ЗА 2020 ГОД?**

НОВАЯ КНИГА ВЛАДИМИРА РУДИНСКОГО СОСТАВЛЕННАЯ ПОЧИТАТЕЛЯМИ ЕГО ТАЛАНТА. ИЗД. АЛЕТЕЙЯ, МОСКВА

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Lidia de Candia. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чек: Nicolas Kasanzew, 9225 NE 12 Ave Miami Shores, FL, 33138, USA Адрес для писем: N. Kasanzew, Av. Cabildo 2349, C. C. 10, Buenos Aires 1428, Argentina. Годовая подписка: В Аргентине - 1200 песо

В Европе - 60 евро. В Австралии - 85 американских долларов. В Канаде - 80 американских долларов. В США и остальных странах - 75 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 898079164299 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL, 33154-2068, USA Routing: 063100277 Swift: BOFAUS3N. Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты.

NUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: www.nashastrana.net